

4. *Hart G. L. A.* Определение и теория в юриспруденции // Изв. высш. учеб. заведений. Правоведение. 2008. № 5.
5. *Hart G. L. A.* Приписывание ответственности и прав // Там же. 2010. № 5.
6. *Sugarman D.* Hart Interviewed: H. L. A. Hart in Conversation with David Sugarman // J. of Law and Society. 2005. Vol. 32, № 2.
7. *Yolton J. W.* Ascriptions, Descriptions, and Action Sentences // Ethics. 1957. Vol. 67, № 4.

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2011 г.

УДК 111 + 519.83 + 517.977.5 + 517.272

В. В. Долгоруков

ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ СТАТУС ПРАГМАТИЧЕСКИХ ОГРАНИЧЕНИЙ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ТЕОРИИ ИГР И ТЕОРИИ ОПТИМАЛЬНОСТИ

В статье рассматривается проблема статуса прагматических ограничений. Первая попытка сформулировать прагматические ограничения (теория коммуникативных импликатур Грайса) столкнулась с рядом трудностей: максимы Грайса не представляют собой однородной системы допущений, они не описывают весь спектр прагматических ситуаций. Предлагается применить средства теории оптимальности и теории игр для моделирования возможного порядка доминирования максим. Такой подход позволит описать более широкий спектр прагматических ситуаций и решить проблему статуса прагматических ограничений. С точки зрения теоретико-игрового подхода прагматические ограничения представляют собой систему рациональных ожиданий.

К л ю ч е в ы е с л о в а: прагматика, теория игр, теория оптимальности, импликатуры.

Онтологический статус нормативных суждений всегда представляется проблематичным, не стали исключением и прагматические ограничения. В качестве единственного прагматического принципа П. Грайс рассматривает Принцип Кооперации: «Твой коммуникативный вклад на данном шаге диалога должен быть таким, какого требует совместно принятая цель (направление) этого диалога» [1, 222]. В качестве уточнения механизма функционирования Принципа Кооперации П. Грайс выделяет следующие максимы.

Максима Количества

«Твое высказывание должно содержать не меньше информации, чем требуется (для выполнения текущих целей диалога)».

«Твое высказывание не должно содержать больше информации, чем требуется».

Максима Качества

«Старайся, чтобы твое высказывание было истинным».

«Не говори того, что ты считаешь ложным».

«Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований».

Максима Отношения

«Не отклоняйся от темы».

Максима Способа

«Выражайся ясно».

1. «Избегай непонятных выражений».
2. «Избегай неоднозначности».
3. «Будь краток (избегай ненужного многословия)».
4. «Будь организован» [1, 223].

Понятие коммуникативной импликатуры — ключевое для описания прагматических эффектов — Грайс формулирует следующим образом: «Пусть некто, сказав (или сделав вид, что он сказал), что p , тем самым имплицировал, что q . Мы будем говорить, что он коммуникативно имплицировал, что q , если выполнены следующие условия: (1) предполагается, что он соблюдает коммуникативные постулаты или по крайней мере Принцип Кооперации; (2) предположение о том, что он знает (или полагает), что q , необходимо для приведения в соответствие с первой презумпцией — о том, что он соблюдает Принцип Кооперации, — того факта, что он сказал (или сделал вид, что сказал), что p (или того факта, что он это сказал именно так, а не иначе); (3) говорящий считает (и ожидает, что слушающий считает, что говорящий считает), что слушающий способен вывести или интуитивно почувствовать реальную необходимость предположения (2)» [Там же, 226–227].

Мы видим, что способность порождать импликатуры формулируется через отсылку к Принципу Кооперации. Но возможно ли порождение импликатур в некооперативных контекстах? Ответ скорее положительный. Поэтому сложно отнести максимы Грайса к чисто дескриптивному типу правил (люди часто ведут себя не так) и к чисто прескриптивному (Грайс не имел в виду, что все должны (в этическом или любом нормативном смысле) вести себя таким образом).

Постулаты Грайса — это не правила этикета, они не предписывают норм поведения, а лишь описывают систему рациональных ожиданий относительно намерений и средств их реализации, доступных собеседнику. В то же время постулаты Грайса — это не законы физики, Грайсовы постулаты можно нарушить. Но в том случае когда нарушение будет заметно всем участникам коммуникации, оно будет информативным (на нарушении максим, по Грайсу, основаны ирония, метафоры и т. д.). Максимы Грайса описывают «максимум» ожиданий Слушающего относительно поведения Говорящего, но не всегда надежды на такие ожидания оправданны.

Такой неоднозначный статус правил в теории П. Грайса вызвал целый ряд критических отзывов. Одна из самых ярких реакций звучит так: «Максимы предполагают крайне утопический уровень учтивости поведения говорящего и старомодные стандарты правдивости, которые Джордж Вашингтон нашел бы утомительными. Они напоминают мне Пуританство Королевского Научного

Общества. Говорящий должен говорить не слишком много, но давать достаточное количество информации, сдерживать свой язык, чтобы не произнеси того, что он полагает ложным, или то, для чего у него нет убедительных доказательств, быть уместным, кратким и последовательным, избегать двусмысленных выражений и неопределенностей... Хотели бы мы пообедать с таким безупречно вежливым приверженцем этих максим» [3, 256].

Итак, с точки зрения Грайса, у нас есть правила применительно к прагматике, но они действуют не всегда. Правила могут быть нарушены без какой-либо санкции. Более того, систематическое нарушение правил само по себе может оказаться легитимным (именно так Грайс подходит к анализу иронии). Как мне кажется, наличие в системе правил, которые не в равной степени являются обязательными для исполнения, является более существенным недостатком грайсовской теории, нежели мнимые упреки в безнадежном перфекционизме.

Грайс говорит о правилах, но эти правила таковы, что в языковых играх все мы «безнаказанные рецидивисты». Как быть с таким «узаконенным беззаконием»?

Преодоление затруднений, связанных со статусом прагматических ограничений в Грайсовой теории, — одна из основных задач неограйсианских теорий (теории релевантности, теории Левинсона, подхода Хорна и др.).

Теория релевантности была предложена в работах Спербера и Уилсона. С одной стороны, создатели ее не скрывают факта своей непосредственной преемственности с подходом Грайса: «Теория релевантности может рассматриваться как попытка в деталях разработать главный тезис Грайса, который состоит в том, что существенной чертой человеческой коммуникации является выражение и распознавание намерений (*intentions*)» [4, 607]. С другой стороны, они отмечают ряд недостатков теории Грайса. Один из существенных недостатков грайсовского подхода заключается в том, что выделяемые им максимы неоднородны. Принцип Кооперации Спербер и Уилсон стремятся заменить принципом Релевантности: вклад сообщения в коммуникацию должен обеспечивать максимальное число контекстуальных импликаций по отношению к издержкам на обработку сообщения.

Теория обобщенных разговорных импликатур (*generalized conversational implicatures*) Левинсона [5] пытается переформулировать постулаты Грайса так, чтобы их можно было свести к трем принципам: *Q*, *I*, *M*.

Q-принцип. То, что не сообщается, не имеет места.

I-принцип. То, что выражено типичным образом, описывает типичное положение дел.

M-принцип. То, что выражено нетипичным образом, описывает нетипичную ситуацию.

Принципы Левинсона повторяют содержание соответствующих максим Грайса. Но, в отличие от максим Грайса, ориентированных только на говорящего, принципы обобщенных импликатур касаются и слушателя.

Хорн предлагает заменить максимы Количества, Качества и Способа двумя взаимосвязанными принципами [4, 12]:

Q-принцип (Q Principle). Говори столько, сколько ты можешь сказать (Say as much as you can).

R-принцип (R Principle). Говори не больше того, что ты должен говорить (Say no more than you must).

Все перечисленные неограйсианские программы не удовлетворены ни структурой, ни содержанием максим Грайса. Как мне кажется, стремление неограйсианства минимизировать число прагматических ограничений полностью реализовалось в «постграйсианских» подходах (я имею в виду теоретико-игровые экспликации прагматических теорий).

Теория игр применительно к теории Грайса представляет собой попытку свести прагматические ограничения к допущению о рациональности участников коммуникации, где рациональность понимается обычным для теории игр способом — представлением о том, что каждый из игроков стремится к максимизации своей полезности. В книге «Экономика и язык» А. Рубинштейн отмечает следующее: «Другими словами, теория Грайса в сущности представляет собой описание того, как один агент рассуждает о рассуждении другого агента. Что в точности является определением стратегических рассуждений и самой сутью теории игр» [7, 42].

Как мне кажется, проблему онтологического статуса прагматических ограничений можно решить, если воспользоваться подходом к ограничениям в духе теории оптимальности (которая, в свою очередь, может быть выражена на языке теории игр).

Ключевая особенность теории оптимальности состоит в том, что правила образуют некоторую иерархию относительно возможного нарушения. При порядке приоритета правил $A1 \gg A2$ оптимальным будет вариант, в котором соблюдаются оба правила, менее оптимальным — вариант, в котором нарушается только второе правило, и совсем неприемлемым будет вариант, где нарушено первое правило.

$R \gg M (!M)$

— *Воды, срочно!* (В случае пожара.)

**Не могли бы вы передать мне воду?*

$M \gg R (!R)$

— *Не поможешь мне на кухне?* +> *Нужно поговорить наедине.*

* *Пойдем поговорим, чтобы он нас не слышал.*

Пусть «Qual» — максима Качества, «Quant» — максима Количества, «R» — максима Релевантности, «M» — максима Способа. Вряд ли в «природе» встречаются все 24 (4!) логически возможных варианта порядков доминирования, но попытаемся рассмотреть примеры некоторых возможных контекстов рассуждения.

Предположение о доминировании правил позволяет решить ряд проблем, связанных с импликатурами особого типа. Речь идет об импликатурах, которые несут информацию о характере коммуникации между участниками. Назовем такой тип импликатур «эпистемическими импликатурами». Как мне кажется, яркий пример эпистемической импликации присутствует в нашумевшем интервью В. Путина Л. Кингу.

(1)

— *Что случилось с подлодкой «Курск»?*— *Она утонула. (+> Я не хочу отвечать на этот вопрос.)*

Удивительно, но Путину удалось нарушить все максимы Грайса одновременно. Даже максима Способа оказалась нарушенной: Путин мог ответить что-нибудь дипломатично несодержательное (ср. примеры (2), (3), (4)). Высказывание Путина о «Курске» является до предела прагматически нагруженным — оно порождает импликатуру особо города или даже множество импликатур. Помимо импликатуры «+> Я не хочу отвечать на этот вопрос» здесь есть как минимум еще одна: «+> В последующих языковых играх с Путиным вероятно ожидать от него нерелевантный (нарушающий R) и неподобающий (нарушающий M) ответ».

Приемом «ответ дипломата» (гарантирующим соблюдение максимы Способа) изобиловала пресс-конференция второго российского политического лидера — Д. Медведева. Журналисты задавали простые вопросы, требующие такого же простого прямого ответа. Но Медведеву удалось отреагировать на каждый из этих вопросов пространной политической мантрой, требующей от слушателя максимума герменевтических усилий. Прагматика этой пресс-конференции оказалась такой, что все надежды слушателей на соблюдение максимы Релевантности оказались тщетными. Зато возможности эксплуатации максимы Способа были задействованы по полной.

Я постараюсь кратко резюмировать суть вопроса и ответа, по возможности сохранив главные прагматические эффекты, а затем приведу развернутую дословную цитату [2].

(2)

— *Как будут складываться отношения России и Китая?*— *Китай — наш важный стратегический партнер. (+> R>>M -> M>>R)*

«— Поделитесь, пожалуйста, вашей общей оценкой относительно развития китайско-российских отношений за последние десять лет и расскажите нам концепцию России о продвижении двусторонних отношений в стратегическом взаимодействии и партнерстве. И, если позволите, хочу задать и второй вопрос об экономике. Как вы оцениваете нынешнее состояние торгово-экономических отношений между Россией и Китаем? В каких сферах Россия и Китай смогут расширить двустороннее сотрудничество? Спасибо.»

— Я считаю, что наши отношения превосходные, как прямо говорят мои партнеры из Китайской Народной Республики, руководство Китая: может быть, у нас никогда не было таких продвинутых и добрых отношений. Я очень рассчитываю на то, что они сохранятся такими в ближайшие годы, десятилетия.

Для нас отношения с Китаем — это не какой-то сиюминутный фактор, это не конъюнктура, это приоритет на долгие годы. Мы политические партнеры, достаточно вспомнить нашу работу в ШОС и БРИКС. Мы экономические партнеры: у нас уже сейчас товарооборот с Китаем около 60 миллиардов долларов. Мы договорились с Председателем КНР господином Ху Цзиньтао о том, что мы доведем этот товарооборот до 100 миллиардов. И я считаю, что развитие крупных энергетических, иных проектов между нашими странами жизненно необходимо.

Я считаю, перспективы у этих отношений просто превосходные, надо только не сбавлять темпов и соответственно работать над тем, чтобы появлялись новые совместные интересные проекты, включая гуманитарные проекты. У нас прошло два года: Год Китая в России и Год России в Китае, потом годы языка прошли, это все очень важные события. Действительно, в этом году мы отмечаем 10-летие заключения договора о стратегическом партнерстве и взаимодействии, это дополнительный повод, чтобы посмотреть в будущее» [2].

(3)

— *Вы собираетесь отправить правительство в отставку?*

— *У Президента есть такая возможность. (+> R>>M -> M>>R)*

«— ...Может ли встать вопрос об отставке правительства или премьера ближе к выборам? Это случилось в прошлом.

— ...Совершенно понятно, когда мы, допустим, обсуждаем работу правительства, то я говорю о работе правительства в целом, а не о работе отдельных министров, и правительство работает как команда. Я, как вы знаете, достаточно часто критикую правительство и, что называется, определенные внушения провожу, но при этом я считаю, что правительство работает как слаженный организм, и поэтому выдергивать из него отдельные звенья просто не очень правильно. И наконец, у президента есть набор полномочий, включая полномочия по формированию правительства и отставке правительства. Я эти полномочия не менял и от них не отказывался» [Там же].

(4)

— *Вы собираетесь баллотироваться на второй срок?*

— *Серьезные, ответственные решения, от которых зависит судьба многих людей, должны приниматься тогда, когда придет время их принимать. (+> R>>M ->M>>R)*

«— Извините, Дмитрий Анатольевич, но не могу не задать вопрос, который волнует, я думаю, всех присутствующих в этом зале. До каких пор будет сохраняться предвыборная интрига? Наверняка ведь вы уже для себя что-то решили.

— ...Мы занимаемся практической политикой не ради того, чтобы согреться, а ради того, чтобы добиться успеха. Поэтому такого рода решения должны делаться именно в тот момент, когда уже созрели для этого все предпосылки, когда это будет иметь окончательный политический эффект. Именно поэтому я считаю, что для того, чтобы объявить о таких решениях, нужно выбирать несколько иные форматы, чем пресс-конференция, хотя это и очень красиво выглядит, и выглядит, может быть, очень заманчиво. Но тем не менее такие решения должны приниматься несколько иначе и объявляться несколько иначе. При этом я считаю, что каждый политик должен делать такого рода заявления тогда, когда считает нужным. Во всем мире большое число политических фигур, которые, например, сразу после окончания политической кампании делают заявление: «Я собираюсь баллотироваться в президенты». И, как правило, эти обещания или эти заявления ничем не заканчиваются. С другой стороны, разумной является такая тактика, которая приводит к успеху. Поэтому что бы я ни слышал на эту тему о том, что в одной стране уже сделаны заявления, в другой стране сделаны заявления, а в нашей стране молчание на эту тему,

еще раз подчеркиваю: все это должно подчиняться определенному, вполне разумному сценарию. Но это не значит, что это может продолжаться бесконечно. Конечно, у избирательного жанра есть свои законы, и этим законам буду следовать и я. Если я определюсь сделать такое заявление, я его сделаю. Как мною было сказано не так давно в интервью нашим китайским коллегам, в этой ситуации уже осталось ждать не так много. Это заявление достаточно близкого порядка» [2].

Естественно, что такой ответ не удовлетворил журналистов, поэтому вопрос был задан еще раз. Ответ президента был таким: «Давайте еще раз порасуждаем о политической ситуации. Я, отвечая на вопрос нашей коллеги из “Независимой газеты”, сказал, что любые политические решения должны быть, на мой взгляд, четко просчитаны. Это же не игрушки. В наших руках действительно судьбы огромного количества людей. Это не могут быть фантики или какие-то вещи, которые мы принимаем просто для того, чтобы слегка потешить собственные амбиции. И решения о том, баллотироваться или нет, должны основываться на этом» [Там же].

Как мне кажется, в трех вышеперечисленных примерах порождается импликатура такого рода: «+» *Я не хочу отвечать на такой вопрос. Но я не могу сказать об этом прямо, я же президент! Поэтому я скажу что-нибудь несущественное, но уместное. Что-нибудь выглядящее как ответ.*

Перлокутивная сила высказывания Медведева такова, что предполагаемый Слушателем порядок приоритета правил для Говорящего «R»>M» изменяется на «M»>R». Пользуясь средствами теории игр, все ответы Медведева можно описать примерно следующим образом. Игра начинается с хода Природы («R»>M» или «M»>R»). В первой ветке игры (по предположению Слушающего) значение стратегии R в платежной матрице (для Говорящего) будет больше, чем значение M, во второй ветке — соответственно меньше. До хода Говорящего две эти ситуации неразличимы для Слушающего (информационно независимы). Слушающий задал вопрос — соответственно он имеет право надеяться на получение релевантного ответа. Возможно, его надежда окажется наивной, тогда изменится оценка вероятности хода Природы и соответственно в игре будет иное равновесие.

Понятие эпистемической импликатуры сложно сформулировать как на языке классического подхода Грайса (речь идет об особом нарушении максим Способа и Отношений — нарушение правил сложно описать как правило; схожие проблемы в теории Грайса возникают и с анализом иронии), так и на языке теории релевантности (эпистемическая импликатура не является релевантным высказыванием, не соответствует целям коммуникации). Именно теоретико-игровой подход к прагматике позволяет унифицированно описывать многие прагматические эффекты (включая эпистемические импликатуры).

Во всех приведенных примерах имеет место такой порядок приоритета правил — «M»>Quant». Более того, возможно, что в (4) имеет место и «M»>Qual». Мы этого не знаем, так как информация о ходе Природы доступна только Говорящему, для Слушающего эти ситуации неразличимы (для формализации используются игры с неполной информацией).

В (2) и (3) максима Качества не нарушена, поскольку Медведев просто артикулировал пресуппозицию вопроса. Пресуппозиция вопроса нарушает максимуму Количества, так как пресуппозиция вопроса является элементом общего знания (*common knowledge*) и не содержит ничего нового. Мы и так знаем, что Медведев это знает, и он знает, что мы это знаем, и он знает, что мы знаем, что он это знает, и т. д.

Интересно, что иногда пресуппозиция все-таки может быть содержанием имплицатуры (пресуппозиция ответа говорящего, но не пресуппозиция вопроса). Рассмотрим следующий пример. Двое коллег обсуждают новую секретаршу:

(5)

— Она хорошенькая.

— Да и муж у нее тоже ничего. (+> У нее есть муж!)

Здесь пресуппозиция является содержанием имплицатуры, а сам диалог, как мне кажется, является иллюстрацией к следующему порядку доминирования правил: «(Qual)>>Quant>>M>>R» (хотя возможен и вариант «(Qual)>>M>>Quant>>R»).

Рассмотрим пример ситуации с обратным порядком приоритета (по-прежнему предполагаем соблюдение максимы Качества) — «(Qual)>>R>>>Quant>>M»:

(6)

— Он говорит по-португальски?

— Он говорит по-испански. (+> Он не говорит по-португальски.)

Как мы видим, порядок приоритета правил может быть совершенно различным и разные коммуникативные ситуации представляют разные системы баланса между соблюдением правил и порядком их нарушения.

Итак, мы сталкиваемся с разными коммуникативными ситуациями: прагматика допроса будет отличаться от прагматики дружеской беседы, а прагматика политики — от прагматики исповеди. Как мне кажется, средства теории игр позволяют редуцировать все это многообразие прагматических принципов к единственному допущению о рациональности участников коммуникации. Все остальные прагматические параметры можно отнести к структуре игры, значениям в платежной матрице, изменениям вероятностей и т. д. [6]. Тем самым теоретико-игровой подход реализует стремление неограйсианских теорий и сводит прагматику к однородной системе допущений.

---

1. Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985.

2. Пресс-конференция Президента России 18.05.2011 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/news/11259>

3. Campbell J. The Liar's Tale. A History of Falsehood. N. Y., 2001.

4. Horn L., Ward G. Handbook of pragmatics. Blackwell Publishing, 2005.

5. Levinson S. Presumptive meanings: the theory of generalized conversational implicature. Cambridge, 2000.

6. Pietarinen A.-V. The semantics/pragmatics distinction from the game-theoretic point of view. In Pietarinen, A.-V. (ed.), *Game Theory and Linguistic Meaning*, Oxford, 2007.

7. Rubinstein A. *Economics and Language*. CUP, 2000.

Рукопись поступила в редакцию 5 декабря 2011 г.

УДК 165.4 + 165.8 + 167

Л. Д. Ламберов

В КАКОМ СМЫСЛЕ ДЕФЛЯЦИОНИЗМ СВЯЗАН С НЕКОНСЕРВАТИВНОСТЬЮ?*

Статья посвящена рассмотрению дефляционных теорий истины и проблемы неконсервативности. Аргументы от неконсервативности зачастую считаются одними из наиболее действенных против дефляционизма. В статье ставится вопрос о релевантности аргументов от неконсервативности при рассмотрении дефляционизма.

К л ю ч е в ы е с л о в а: дефляционизм, истина, неконсервативность, адекватность.

Если вы, уважаемый читатель, помните введение к Манифесту коммунистической партии, то вы должны прекрасно понять ту ситуацию, которая сложилась в связи с дефляционизмом. Перефразируем: по философии бродит призрак — призрак дефляционизма, и все силы «старой» философии объединились для священной травли этого призрака¹. Отсюда следует, что (1) дефляционизм уже признается силой всеми философскими силами; (2) пора уже дефляционистам открыто изложить свои взгляды, свои цели, свои стремления и сказкам о призраке дефляционизма противопоставить дефляционистский манифест.

К сожалению, критика дефляционизма направлена именно на его призрак, т. е. на некоторое абстрактное (в гегелевском смысле) представление о дефляционизме. Большинство тех, кто полагает, что выдвинул «сильный» аргумент против дефляционизма или даже окончательно опроверг его, рассуждают фактически о своем личном дефляционном «призраке». Это, безусловно, удобно, и такую установку можно понять. Однако, чрезмерно увлекаясь критикой абстракций, не следует забывать и о конкретном. И если без абстракций прожить никак не получается, то эти абстракции следует формулировать очень осторожно. Мы можем обнаружить колоссальное количество разнообразных деф-

---

* Исследование выполнено в рамках государственного контракта на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд по федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., мероприятие 1.3.1, проект «Онтологические аспекты дефляционных теорий» (2011-1.3.1-303-013/29).

¹ Вспомните хотя бы книгу П. Хорвича, в которой из, грубо говоря, полутора сотен страниц «позитивная» часть занимает лишь около 15. Весь остальной объем книги посвящен ответу на 39 (*sic!*) возражений против дефляционизма (см. [6]).